

Кудьтура. - 1995. - 17 июня. - С. 8-9. **ТЫ СЛЫШИШЬ, КАК БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ ПЛАНЕТЫ?**

Мозес Пендлтон живет в роскошном викторианском замке начала XIX века в штате Коннектикут, где базируется и его театр современного танца «Момикс» — театр-странник, путешествующий по всему миру.

В доме слышна ненавязчивая тихая музыка, причем в разных комнатах — разная, что создает особую творческую атмосферу. В этом замке, где со стен свисают лохмотья обоев, сохранившие многолетнюю

паутину, и даже мебель разбросана в художественном беспорядке, можно снимать кино, причем без дополнительного реквизита, так он пропитан духом старины и таинства. Хозяин дома находится в гармонии с природой, разговаривает с птицами, горами, цветами и животными. У него необыкновенный дар радоваться жизни и видеть особый смысл в полете птицы или молчании черепахи...

В своем замечательном зам-

ке всемирно известный хореограф и дал интервью, предвещающее показ в Москве его знаменитого спектакля «Страсть».

— Г-н Пендлтон, что вы знаете о России, какими вам кажутся русские и что вы ожидаете от гастролей вашей труппы в Москве? Что привело к вам известного в России режиссера Юрия Любимова? [Мозес Пендлтон придумал роль Скомороха в постановке «Хованщины», осуществленной

Ю. Любимовым в «Ла Скала»]. Любимов пришел ко мне по той простой причине, что ощутил во мне энергию. Поэтому ему было интересно работать со мной, а мне — с ним.

Для меня встреча с творческими людьми из России — это счастье. Я преклоняюсь перед вашим народом — он имеет энергию, вынужден иметь, потому что жизнь его заставляет. Русские горды тем, что они русские, что у них есть собственная культура, есть великая музыка (творчество самых известных танцовщиков Америки, кстати, основано на музыкальных традициях русского искусства). Мне кажется, русские люди — герои и поэты в душе, они умеют почувствовать аромат цветущего вишневого сада.

Настоящий русский дух ни с чем не спутаешь. Многие русские, живущие в Америке, сохраняют свой дух, свое естество, и это очень важно. А искусство — музыка, живопись, танец — это и есть тот дух, который позволяет нам ощутить принадлежность к великой культуре. Сейчас в вашей стране многое меняется на западный лад. Я хочу успеть увидеть Россию до засилья в ней «Макдональдса» и «Кока-колы», вот почему я и не упустил случая принять предложение президента артистического агентства «Ардани» Сергея Данильяна провести в Москве гастроли моей труппы.

— «Момикс» означает «смесь Мозесов», так называется и один из компонентов молока, которым в детстве вы поили

телят на отцовской ферме... Какой смысл все-таки вы вкладываете в название своей труппы?

— «Момикс» — как сама Америка, в которой живут люди различных национальностей, исповедующие различные религии, и это накладывает отпечаток на историю страны и ее культуру. Мы, то есть все люди, обязаны «перемешиваться», потому что являемся земным сообществом, которое ощущает в себе культуры разных народов, ритм каждой страны. Нам всем необходимо превратиться в глобус и даже в другие планеты. Идея «Момикса» особенное значение приобретает в наши дни: если не произойдет смешение, к примеру, русских и американцев, то это обязательно приведет к разногласиям, взрыву, войне.

«Момикс» в Москве — это тоже своего рода смешение крови, традиций. Если американская культура волеется в великую русскую, возможно, тогда наш мир превратится в городок или даже деревню, где все знают друг друга. И тогда мы будем более внимательны друг к другу, к культуре каждого народа — и в Сибири, и в Африке, и в Европе. Питер Гэбриэл, например, считает, что, если взять звуки и ритмы у африканских народов и «пропустить» их через современную технологию, дать возможность людям в России или в какой-либо другой стране почувствовать всю глубину звуков Африки, находящейся за многие сотни миль, это и бу-

дет сердцеебие планеты.

— Как родилась ваша «Страсть»?

— Все начиналось с Иисуса Христа... Николас Казадзакис написал «Последнее искушение Христа», а Мартин Скорсезе поставил фильм по этому произведению. Основой композиции «Страсти» стали музыка к фильму, написанная Питером Гэбриэлом, и несколько идей, заимствованных из этой картины. Сочетание музыки и танца в нашем спектакле, на мой взгляд, дает яркое представление о том, как мне нужна страсть, и не только мне — всем нам.

Какой-нибудь русский поэт, который увидит наш спектакль в Театре оперетты, возможно, вдохновленный им, уже по своему преобразует идею Казадзакиса, и я с удовольствием буду с ним работать, потому что создание спектакля — это нескончаемый процесс, такой же, как и вся наша жизнь. И очень естественно, когда духовный опыт одной страны передается другой. Если у тебя есть идея, которую, как зерно, можно взрастить в других культурах, то, вероятно, она вдохновит умы для написания другой новеллы, что приведет к созданию новых музыкальных композиций.

Вся наша жизнь — движение, движение к творчеству, к энергии, основанное и отраженное в солнечной системе в промежуток времени. И только искусство дает возможность проследить жизнь в движении. Быть живым означает для меня облачиться в некую из-

менную форму. Например, когда мы говорим, мы перевоплощаемся в кого-то другого. На спектакле «Страсть» вы убедитесь, что в нем «смешался» опыт Вселенной. Фотографии, слайды, движения, музыка — все это очень впечатляет потому, что все они выражают различные формы трансформации. Когда долго смотришь на камень, он начинает у тебя на глазах превращаться в облако. В жизни нет ничего застывшего, все изменяется — свет, мир, Вселенная.

«Страсть» напоминает сон, потому что имеет массу возможностей. Это все то, чем мы являемся, ведь у нас много «я», в нас сосредоточено более одного человека. Люди — это и растения, и животные, и минералы, и даже химические элементы. Мы чувствуем сердцеебие солнца! И разве не здорово ощущать себя не кем-то раз и навсегда определенным? Ведь это было бы довольно скучно. Вероятно, это даже является причиной всемирной депрессии — человек чувствует, что не меняется, и мучается этим.

— Имеет ли все-таки отношение к вашему спектаклю литературный источник?

— Думаю, вы почувствуете фабулу «Последнего искушения Христа». Христос для многих из нас просто слово, ибо по-настоящему мы обращаемся к имени Бога лишь в тот самый момент, когда прощаемся с жизнью. Именно в этот момент весь космос предстает перед нашим внутренним воз-

ром, поскольку мы собираемся сделать очень серьезный переход, отличный от рождения, но не менее важный к смерти. Перед глазами возникает парад рисунков, как фейерверк запечатленного в нашей памяти. Сам процесс трансформации — от жизни к смерти — очень существен, потому что после смерти ты будешь жить вечно. Все, что происходило в жизни, будет рассматриваться в другом измерении, в другом временном промежутке. После того как душа покидает тело, у нее открываются неограниченные возможности, так как она становится духом и может вскоре переродиться. Если верить в эту философию, жизнь скрасится, ведь в ней очень много разочарований и неприятных моментов.

Спектакль «Страсть» как раз и дает ощущение того, что в жизни все переменчиво: ты можешь превратиться в камень, в дерево или в другого человека. Он приглашает тебя в мир иллюзий — ты видишь на сцене красивое крепкое тело, перевоплотившееся в фигуру скорпиона или в гигантские русские подсолнухи, время цветения которых идет вспять. Тебе предоставляется возможность проследить определенный отрезок жизненного пути, только в обратном направлении — от увядания к зрелости, от старости к младенчеству. Я никогда раньше серьезно не задумывался над этим, но, прочитав книгу Казадзакиса, я поверил в саму идею. Если вы заинтересуетесь этой проблемой, то вам совершенно нет

необходимости читать всю повесть, достаточно маленького кусочка, чтобы понять суть его философии, абсолютно сюрреалистичной, на мой взгляд.

Нам не надо бояться, что случится что-то плохое, нам необходимо тренировать ум, давать больше пищи для размышлений, и тогда мы будем открыты для Вселенной. Но для этого нужна энергия. А теперь настал момент спросить меня, что же такой был Христос? Я вам отвечу, что Христос — это все мы, он есть наш дух, энергия независимо от нашего вероисповедания, потому что мы все имеем дух. Не случайно в моей постановке и в музыке Питера Гэбриэла используются армянские музыкальные инструменты, музыка духовных лидеров Пакистана, тем самым через звук, ритм, музыку возможно общаться с людьми, которые не знают древних языков.

— Немного о ваших творческих планах.

— Сразу по возвращении труппы из России я буду занят проектом-шоу с использованием элементов моря. Необходимо отлавливать русалок, отыскивать Нептунов, разговаривать с рыбами и моллюсками. Море очень много значит для нашей Вселенной, неспроста же огромный процент пространства Земли занимает вода. И дух захватывает от одной мысли, что мы свою основную жизнь провели на суше, а не в море. Жизнь под водой и над ней — есть что-то общее между обитателями двух стихий... Заманчивый мир водорослей

и морских животных сменится другим не менее интересным проектом — спектаклем «Бейсбол», который должен быть показан 4 июля, в День независимости Америки. Эта игра стала нашим национальным видом спорта, но в моей интерпретации она несет более глубокую смысловую нагрузку, так как благодаря музыке, пластике и свету вы начинаете понимать, почему бейсбол так любим американцами. Это не просто спорт, это искусство.

Еще одно мое поле деятельности — работа над собственными впечатлениями и наблюдениями над природой. Например, я задумал сделать видеоклип для MTV, в котором участвуют только пчелы, бабочки и птицы. Используются хореография и музыка, но образы людей отходят на второй план, проскальзывая лишь в виде фотографий и небольших картин.

— Какое из направлений современного танца вы предпочитаете?

— Мне нравится абсолютно все — и джаз, и хип-хоп, и т. д. Танец может быть плохо оценен только в том случае, если тебе скучно в зале и ты засыпаешь. Несколько дороговато платить за сон! Танец сегодня имеет большой потенциал, потому что в нем отражается душа ребенка и потому что, без сомнения, он станет языком Вселенной.

Интервью взяла спец. корр. информационного агентства «ИнтерМедиа» Гаяне ДАНИЛЬЯН.

● Подсолнух — символ Вселенной.